

Святые отцы учат, что на исповеди не следует ждать вопросов духовника, а самому нужно исповедовать свои грехи, не стыдясь, не скрывая и не умаляя их тяжести. Исповедь есть подвиг самопринуждения. Говорить надо точно, затемняя неприглядности греха общими выражениями (например, «грешна против 7-й заповеди»).

Очень трудно, исповедуясь, избежать соблазна самооправдания, попыток объяснить духовнику «смягчающие обстоятельства», ссылаясь на других людей, будто содействующих греху. Все это есть признак самолюбия, отсутствия личного, глубокого покаяния. Бывает, что, каюсь в каком-либо грехе (например, гнев, скорбь), исповедники невольно входят в осуждение других, выгораживая себя и обвиняя ближнего. Это ложное покаяние, лукавое, лицемерное, противное Богу.

Иногда на исповеди ссылаются на слабую память, не дающую будто возможности вспомнить грехи. Действительно, часто бывает, что мы забываем грехи свои. Но от слабой ли это памяти? Совсем нет. Ведь, например, похвалы, лестящие нашему самолюбию, мы помним многие годы. А вот грехопадения свои не помним. Не значит ли это, что мы невнимательно и рассеянно живем и не придаем нашим грехам серьезного значения?

Признак совершившегося искреннего покаяния — чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, глубокого мира. И наоборот, недостойное покаяние характеризуется душевным неудовлетворением, сугубой тяжестью на сердце, каким-то смутным, неясным чувством тревоги.

Нужно отметить, что раскаяние не будет полным и полезным, если кающийся не утвердится внутренне на камне решимости не возвращаться к исповеданному греху. Но, говорят, как это возможно? Не будет ли ближе к истине как раз обратное — уверенность, что грех снова повторится? Ведь опытом всякий знает, что через некоторое время опять возвращаешься к тем же грехам; наблюдая за собой из года в год, не замечаешь никакого улучшения, шагнешь вперед и опять стоишь, или еще хуже — шаг вперед и два назад.

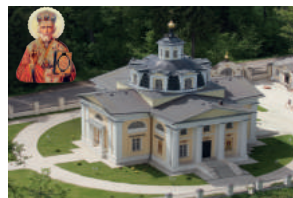
Было бы ужасно, если бы это было так. Но, к счастью, это не совсем так. Не бывает случая, чтобы при наличии доброго желания исправиться последующие исповеди и Святое Причащение не производили бы в душе добрых перемен. Но дело в том, что, прежде всего, мы не судьи себе. Правильно говорить о себе мы не можем: стали мы лучше или хуже. Может быть, возросшая строгость к себе, обостренный страх греха создали иллюзию, что грехи умножились и усилились и что душевное состояние не улучшилось, а ухудшилось. Кроме того, Господь, по особому промыслению Своему, часто закрывает нам глаза на наши успехи, чтобы защитить нас от злейшего врага — тщеславия и гордости.

Часто бывает, что грех-то остался, но частые исповеди и Причащение Святых Тайн расшатали его и значительно ослабили его корни. Да к тому же и сама борьба с грехом (может быть, с падениями), страдания о грехах — разве это не приобретение? «Не устрашайся, — говорит святой преподобный Иоанн Лествичник, — хотя бы ты и падал каждый день и не отходил бы от путей Божиих, стой мужественно, и Ангел, тебя охраняющий, почтит твоё терпение».

Таким образом, наука истинного покаяния определяется тремя вышеуказанными моментами:

- а) испытанием сердца;
- б) сокрушением души;
- в) словесным исповеданием своих грехов.

архимандрит Тихон Агриков
Из книги: «У Троицы окрыленные»

Святителю отче Николае, моли Бога о нас ЗЕРНЫШКО

ПРИК ДСК Й АИС К ЯРАМА СВ . НИК НА П СНИК А -ПР Э Р В Н БР 2016

ПРАЗДНИК ВНЕ ВЕС КАЗАНСКИЙ ИКОН БИЖИЕЙ МАТЕРИ

Покорением Казани под покровом Пресвятой Богородицы было завершено дело, начатое в 1164 году святым князем Андреем Боголюбским. Волга - главный водный путь страны - стала русской рекой. Началось просвещение татар светом Евангельской истины.

Особенно способствовало возвышению Православия среди волжских магометан явление в городе Казани чудотворной иконы Божией Матери.

Трудно шло дело проповеди Евангелия в покоренном царстве. Пресвятая Богородица, видя старания русских миссионеров, не замедлила послать им Небесную помощь, явив Свою чудотворную икону.

Летом 1579 года страшный пожар, начавшийся около церкви святителя Николая Тульского, истребил часть города и обратил в пепел половину Казанского Кремля. Но город вскоре начал вставать из руин.

Матроне, девятилетней дочери стрельца Онучина, вознамерившегося поставить себе новый дом на месте пожарища, во сне явилась Мать Божия, повелевая сообщить архиепископу и градоначальникам, чтобы они извлекли из земли Ее образ, указав и место на пепелище, где надо было копать.

Так как никто не обращал внимания на слова ребенка, Мать Божия явилась вторично, а на третий раз девочка во сне увидела саму икону, от которой исходил грозный голос: «Если не поведаешь глаголов Моих, Я явлюсь в другом месте, а ты погибнешь». Тогда мать испуганной девочки отвела дочь к воеводам и архиепископу Иеремию, но никто не поверил словам ребенка.

Наконец, 8 июля, мать с помощниками стала рыть по указанию дочери, но только, когда сама девочка взялась за заступ и стала копать около печи, появилась икона Богородицы, обернутая в ветхий суконный рукав. Лик иконы был ясный, будто только что написанный, нисколько не пострадавший от огня. Узнав о чуде, архиепископ с градоначальниками торжественным крестным ходом пришли на место чудесного обретения иконы и перенесли ее в церковь Николая Тульского, затем после молебна — в Благовещенский собор.

События явления и перенесения образа описал священник Никольской церкви, Ермолай, будущий митрополит Казанский и затем патриарх Московский Ермоген, мученически пострадавший за Православие в смутное время. Ему принадлежит и служба в честь Казанского образа, включая общеизвестный тропарь: «Заступнице усердная...». Он также засвидетельствовал и первые чудеса, свершившиеся во время торжества: по дороге прозрел Иосиф, бывший слепым уже три года, в самом соборе исцелился другой слепец Никита. В последствии также была замечена особая милость Богородицы через Свой Казанский образ к страждущим глазами.

После того, как архиепископ с воеводами отправили царю подробное описание обретения иконы с точным ее списком, тот велел строить на месте явления женский монастырь. Первыми постриженицами обители стали отроковица Матрона и ее мать. Чудотворный образ был обложен царскими дарами — золотом, драгоценными камнями и жемчугом.

НАКАПАНИ

Если вы решили говеть, немедленно явится множество препятствий и внутренних, и внешних. Но они исчезнут, если проявить решимость непременно покаяться. Нам, одержимым «дреманием лености», неискусным в покаянии, необходимо вновь и вновь учиться каяться; это во-первых. А во-вторых, необходимо тянуть некую ниточку от исповеди к исповеди, чтобы промежутки между говениями были наполнены духовной борьбой, усилиями воли к добру, возбуждаемы воодушевлением близкой новой исповеди.

Здесь же непременно возникает вопрос о духовнике: к кому идти? Держаться ли одного духовника? Можно ли менять духовников?..

Опытные в духовной жизни отцы утверждают, что менять не следует, даже если это только духовник твой, а не духовный отец, руководитель твоей совести.

Бывает, правда, особенно после первой хорошей исповеди у священника, последующие исповеди у него же проходят как-то вяло, холодно, неглубоко, без особых переживаний, и вот тогда является мысль о перемене духовника. Но это недостаточное основание для такого важного шага. Недостаточный духовный подъем во время исповеди часто бывает не по вине духовника, а по причине нашего духовного неблагополучия. Для человека, страдающего язвой греховной, безразлично, через кого он исповедует свой грех, лишь бы как можно скорей сбросить с себя это ярмо греховное и получить прощение. Другое дело, если человек оставил в стороне личное покаяние в своих грехах, занимается на исповеди духовной беседой или, еще хуже, житейскими вопросами. Ибо беседа, хотя и о духовных предметах, может только рассеять, расхолодить исповедующегося, коснуться осуждения других и ослабить покаянное чувство. Исповедь не есть беседа, даже о своих недостатках и сомнениях, а есть горячее покаяние сердца, жажда очищения, идущая от острого ощущения близости святости — невидимо стоящего Христа, Евангелия и креста на аналое, — умирание для греха и оживание для святой новой жизни. Искренняя раскаянность уже есть начальная степень святости. Холодность — удаление от святости, умирание вне Бога.

Как же следует относиться к таинству исповеди? Какова наука самого покаяния?

Первым действием на достойной исповеди должно быть испытание сердца. Обычно люди неопытные в духовной жизни не видят ни множества грехов, ни их гнусности. «Ничего особенного, как у всех, только мелкие грехи, не украл, не убил», — так говорят обычно многие. А самоуверенность, черствость, раздражение, человекоугодие, слабость веры, недостаток любви, малодушие, ропот, уныние — разве это мелкие грехи? Разве кто может сказать, что он достаточно верит в Бога, что любовь его совершенна? Что каждого человека он любит как брата во Христе? Что мы достигли кротости, безгневия, полного смирения? Если же нет, то в чем же заключается наша христианская жизнь? Чем объяснить нашу самоуверенность на исповеди, как не окамененным нечувствием, как не холодной мертвенностью сердца, душевной смертью, которая приближает и телесную? Почему святые отцы, оставившие нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешников, с искренней убежденностью зывали к Иисусу Сладчайшему: «Никтоже согрешил на земли от века, якоже согрешил аз, окаянный и блудный»? А мы убеждены, что у нас все благополучно!

Чем светлее луч солнца в подземелье, тем яснее выступает беспорядок в разных предметах; чем ярче свет Христов озаряет сердце, тем яснее выступает беспорядок в душе, осознаются грехи, язвы и раны душевные. И наоборот, люди, погруженные в мрак греховный, ничего не видят в своем сердце, а если и видят сколько-нибудь, не ужасаются, так как им не с чем сравнить себя. Поэтому прямой путь к покаянию — в испытании сердца, познании своих грехов через приближение себя к свету Христову. Готовясь к исповеди, следует проверять свою совесть по заповедям Божиим, по жизни наиболее близких нам святых, по некоторым молитвам (например, 3-я вечерняя, 4-я перед причащением).

Разбираясь в своей душе, надо постараться различать основные грехи от производных. Например, рассеянность на молитве, дремота, невнимание в церкви, отсутствие интереса к чтению Священного Писания. Не происходят ли эти грехи от маловерия и слабой любви к Богу или от лености и беспечности? Нужно отметить в себе своеволие, непослушание, самооправдание, нетерпение упреков, упрямство, но еще важнее открыть их связь с самолюбием, высокоумием и гордостью. Если мы замечаем в себе усиленную заботу о своей наружности, обстановке дома и прочее, не является ли это признаком скорого тщеславия? Если мы слишком близко принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, неутешно скорбим об усопших, то не свидетельствует ли это о неверии в Промысел Божий? Есть еще одно средство, ведущее нас к познанию своих грехов, — вспомнить, в чем обычно обвиняют нас люди, особенно рядом с нами живущие, близкие. Почти всегда их обвинения, укоры, нападки имеют не основания. Необходимо также взаимное прощение грехов друг другу, во исполнение заповеди о прощении (Мф. 6:12). При таком испытании сердца нужно следить, чтобы не впасть в чрезмерную мнительность и мелочную подозрительность ко всякому движению сердца; став на этот путь, можно потерять чувство важного и неважного, запутаться в мелочах. В этих случаях святые отцы советуют временно оставить испытание своей души и, посадив себя на простую духовную диету, молитвой и добрыми делами упростить и прояснить душу.

Приготовление к исповеди заключается не в том, чтобы только вспомнить или даже записать свои грехи, а в том, чтобы осознать свою вину, довести свое покаянное чувство до сердечного сокрушения и, если можно, пролить слезы покаяния. Отсюда возникает второе положение, нужное на исповеди — сокрушение сердца.

Знать свои грехи — это еще не значит каяться в них. Скорбь о содеянном, плач о грехах важнее всего на исповеди.

Но что делать, если «иссохшее греховным зноем» сердце не орошается живительными водами слез? Все равно надо каяться, каяться в самой холодности и бесчувственности своей, в надежде единственно на милость Божию. Наше бесчувствие на исповеди большей частью имеет своим корнем отсутствие в нас страха Божия и скрытое маловерие или даже неверие. Сюда должны быть направлены все усилия. Вот почему так важны слезы на исповеди. Они смягчают окаменение, устраняют главное препятствие к покаянию — нашу самость (Епископ Феофан). Гордые и самолюбивые не плачут. Не могут плакать и те, кто не прощает ближнего, кто таит в сердце зло и обиду, обвиняя других и оправдывая себя. Какое счастье — иметь слезы покаяния! И они даются смиренным грешникам.

Не нужно стыдиться слез на исповеди, если они орошают наше лицо. Пусть очищается душа от скверны греховной и облекается вновь в одежду невинности и чистоты.

Испытание совести и сокрушение сердца неизменно ведут к чистосердечному словесному исповеданию грехов. Таким образом, возникает третий момент исповеди — словесное исповедание грехов.